

Концепт цивилизации и модернизация

**Виноградов Андрей
Владимирович** —
зав. отделом Института
Дальнего Востока РАН,
доктор политических наук

Вся известная история человечества — это, в сущности, история разных социальных субъектов: кровно-родственных, территориальных, религиозных, национально-государственных и т.д. Нетрудно заметить, что главной тенденцией развития является повышение меры всеобщности, предполагающее решение более сложных, высоких и масштабных задач. В соответствии с этой тенденцией создаются теории истории, описывающие решение главной на данный момент проблемы развития. Последние 500 лет центральные направления мирового процесса определяла европейская история, а ее локальные задачи фигурировали в ведущих исторических концепциях. Возникший в конце XIX — начале XX в. цивилизационный подход подверг критике европоцентристскую установку (Н. Данилевский, О. Шпенглер) и, объединив многообразие всех исторических субъектов, представил свой взгляд на механизм исторического развития (А. Тойнби). Однако получив известность и завоевав последователей, он так и не смог стать ведущим направлением общественной мысли XX в. В последнее время изменения в характере исторического процесса, вызванные глобализацией, заметно повысили интерес к цивилизационной теории (С. Хантингтон), обнаружившей солидный эвристический потенциал. Современное кризисное состояние человеческой цивилизации свидетель-

ствуется, вероятно, о том, что процессы цивилизационного генезиса не завершились, и у современников появилась уникальная возможность попытаться понять их механизм изнутри, в реальном времени.

Цивилизация — одно из наиболее общих понятий, которое должно согласованно описывать множество явлений социальной жизни. Именно этим объясняется то, что общепризнанного определения «цивилизация» до сих пор не существует. Часто оно смешивается с другим, близким по смыслу понятием «культура», у которого также нет однозначного определения. Одни и те же черты и свойства относятся и к культуре, и к цивилизации, что, безусловно, свидетельствует об их генетическом родстве. Вместе с тем существует смысловая граница, действительная только для цивилизаций. Цивилизация — единственное понятие, которое применяется исключительно к социальной материи, в отличие от понятия «культура», которое применяется и к предшествующему уровню развития — живым организмам. Понятие «цивилизация» воплощает, таким образом, самые яркие и фундаментальные черты социального.

Начиная с животного мира, культура — это всегда выделение из окружающей среды, создающее условия для внутреннего роста. Важнейшее свойство культуры — длительное эволюционное накопление изменений. Человек появился как биологический вид (или биологическая культура), но в результате пока необъяснимых изменений у него помимо биологических стали нарастать иные отличия, которые мы называем социальными. Человек не просто

выделился из окружающего мира, как это делали до него все живые организмы, он выделился из животного мира, открыв новое пространство многообразия — многообразии социальных общностей. Одна из центральных проблем истории и состоит в исследовании того, как культура превратилась в цивилизацию — «собрание культурных характеристик и феноменов» (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1. С. 544), «высокую культуру» (Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев — М., 2004. С. 13–14), «наивысшую культурную целостность» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 50), «оплотневшую», «кристаллизовавшуюся культуру» (Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность. М., 2002. С. 37) и т.д.

На протяжении тысячелетий человечество развивалось под определяющим влиянием своего материнского ложа — окружающей среды. Природные условия задавали параметры не только этнических и расовых отличий, но и общественной жизни, определяя многообразие локальных социумов. Общим у них была не только биологическая родословная, но и главный родовой признак — интеллект, то есть способность взаимодействия с внешней средой через конструирование собственного внутреннего (духовного) мира и преобразование в соответствии с этими представлениями мира внешнего. Первые социальные, догосударственные общности (культуры) вырабатывали примитивный (и поэтому похожий), но самобытный и целостный способ освоения мира. По результатам такого освоения

складывалось представление о степени развития общества — чем более независимым от природы оно было, тем более развитым считалось. Такую независимость давала прежде всего материальная культура.

Согласно наиболее распространенным представлениям, труд создал человека. Воплотившееся в нем деятельностно-агрессивное отношение к внешнему миру было нацелено не на потребление окружающей среды в непосредственном виде, как у животных, а на ее преобразование, создание «второй», искусственной, максимально комфортной для человека природы. Это предопределило фундаментальное положение материальной культуры в структуре человеческого общества, определяющего степень развития уровнем и глубиной преобразования окружающей среды. Такое преобразование получило название «экономика» (в переводе с греческого — домоустройство, обустройство собственного жилища). Это одна точка зрения, господствующая в современном материалистическом мире до сих пор. В зависимости от способа преобразования (способа производства) выделяют земледельческие, кочевые, индустриальные, постиндустриальные, или информационные, цивилизации.

В соответствии с другой точкой зрения, главным отличием человеческого общества от животного мира стали нормы поведения. Человек выделился из природы не потому, что создал собственный материальный мир, а потому что приобрел новые характеристики, связанные с жизнью в коллективе. Отделение от внешнего мира, таким образом, произошло не только по линии материальной культуры — внутри

общества также пролегли разграничительные линии, структурно выделившие человека из природы. Согласно этим представлениям, фундамент человеческой культуры заложили нравственные ограничения. История приобрела характер эволюции нравственных принципов, которые и создали социальный мир и человеческую культуру в современном виде. Первые развитые формы нравственности и этические концепции были связаны с религией, ставшей целостным воплощением духовной культуры. Поэтому и сегодня цивилизационное многообразие часто отождествляется с религиозным. Религиозная нравственность действительно дала первую форму сосуществования локальных (жестко привязанных к месту и природной среде) общественных групп, при которой их конкурентное взаимодействие вело не к борьбе и поглощению, типичному для живой природы, а к взаимовлиянию и сотрудничеству.

Культура, став основной единицей измерения истории, вызвала появление нового класса закономерностей — социальных, а многообразие культурных практик привело к вариативности социальных законов, вышедших за пределы биологических и обогатившихся собственными характеристиками. Двойственная природа генезиса человеческого общества навечно сохранилась во взаимном влиянии двух культур, а также в противоречивом единстве индивидуалистического и коллективистского в развитии общества. При этом обнаружилось четкое разграничение их функций. Материальная культура стала инструментом преобразования мира, динамизма и развития. Духовная, в первую очередь

лежащие в ее основе нравственные принципы, — фактором поддержания внутренней стабильности и придания социальному организму устойчивых форм. На протяжении большей части известной истории ведущая роль сохранялась за духовной культурой, свойственной традиционному, зависимому от природы обществу, главной задачей которого было не откатиться назад, в варварство.

Вне зависимости от того, что мы берем за основу — материальную или духовную культуру, степень развития человеческого общества определяется мерой его отличия от естественной природы, животного мира, а не степенью приближения к некоей нормативной культуре — европейской, китайской или любой иной.

Прочное сочетание функционально столь различных материальной и духовной культур мог обеспечить только единый консолидирующий центр, способный осуществлять перераспределение ресурсов из одной сферы в другую и поддерживать согласованное развитие при переходе общества из одного состояния в другое. На протяжении большей части истории религия и политика, продолжая традиции двух культур, предлагали свои варианты и способы упорядочивания социального мира. В конечном счете политическая организация смогла предложить высшую форму поддержания социальной стабильности и регулирования социальных конфликтов, не отменив конкуренцию культур, но предоставив им возможность реализовать свое фундаментальное свойство — образовывать конгломераты и взаимодействовать, не теряя идентичности.

Успешные народы, сумевшие создать более комфортные условия проживания и более стабильный и длительный социальный мир, постепенно становились точками притяжения, полюсами консолидации региональных пространств. Продолжая традиции живой природы, главный источник собственного роста человеческая культура видела в экспансии, как правило осуществлявшейся насильственно. Но иногда она происходила добровольно за счет заимствования знаний, материальных орудий, навыков и умений, религиозных представлений, если они доказательно повышали комфортность жизни. Перетекание достижений культуры обеспечивало поступательное движение истории на протяжении тысячелетий, став важнейшим фактором развития. «Контакт с чужеземцами, обладающими новыми, неизвестными знаниями и умениями», стал основным фактором, «способствующим значимым социальным изменениям», а «в критические периоды перехода к цивилизации... жизненно важным становилось иностранное влияние» (МакНил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев — М., 2004. С. 13, 117).

Одной из ранних и повсеместных форм сосуществования культур стала империя. Империи смогли создать наднациональную, надэтнокультурную и даже надрелигиозную — имперскую — идентичность. Империя стала формой становления новой общности — цивилизации, сохранившей внутренний источник развития в виде многообразия культур, но с общей политической властью, обеспечивавшей их сосуществование. Цивилизация в отличие от культуры получила возможность

развиваться и усложняться за счет межкультурного синтеза, переместив источник развития из взаимодействия общества с природой в сугубо социальную среду — во взаимодействие культур. Сложившееся многообразие периодически давало возможность одной из национальных (региональных, этнических) культур брать на себя стратегическую инициативу и вставать во главе прогресса, каждый раз перестраивая политическое пространство. Следствием этих процессов стала пространственно-функциональная структура цивилизации, которая помимо ядра включала периферию и лимитроф, не только тяготеющие к цивилизационному ядру, но и разделявшие цивилизации, создавая условия для их бесконфликтного развития.

Способность к перемещению, «блуждание» ядра не только повысило жизнеспособность имперских конгломератов культур, дав им запас географической прочности, но и позволила сбрасывать негативную инерцию. Поэтому А. Тойнби выделял два главных критерия цивилизации — религию и формы ее организации и *удаленность от места возникновения* (курсив мой. — А.В.) (Уколова В.И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 12). Способность к воспроизводству на новом месте с элементами взаимопроникновения и синтеза культур укрепила цивилизацию. Переживая подъемы и спады, мигрируя, она стала гораздо менее уязвима. Предложив устойчивую форму сосуществования культур, цивилизация создала особый самодостаточный мир, который выработал собственный механизм развития и поэтому смог конституировать-

ся в качестве нового субъекта исторического процесса.

Каждой локальной цивилизации соответствовал свой естественно-исторический тип бытия, отражавший условия ее появления и существования. Одновременно их изолированность способствовала не только росту разнообразия, но и неравномерности развития. Укрепляясь, империи активно проводили экспансию и в конце концов привели цивилизации в соприкосновение, сделав их еще и мировыми субъектами и положив, таким образом, начало поиску ими новой, междивизиационной этики. Исчерпав лимит экстенсивного роста за счет периферии и лимитрофа и встретив сопротивление мощных конкурентов, они получили дополнительный стимул, чтобы сосредоточиться на внутреннем росте и совершенствовании. Религиозное Средневековье оказалось периодом внутреннего, духовного созревания европейской цивилизации. Поэтому в эпоху Возрождения «произведение и созидающий его человек получают новое значение. Они сосредоточивают в себе весь тот смысл, который прежде принадлежал лишь Божьему творению... человеческое дело перестает быть служением, выражающим послушание Творцу, и само становится «творением», «творчеством», человек, прежде слуга и раб, становится «созидателем» (Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 140). Эта трансформация и положила начало Новому времени сначала в истории Европы, а затем и всего человечества.

Для Европы границей цивилизации всегда были не только сухопутные пространства на Востоке и Юге, но и море

на Западе. В период возвышения исламского мира преодоление океанских пространств выглядело меньшим препятствием, чем борьба с цивилизационным давлением Востока, что и подтолкнуло европейцев к морскому, «удаленному» освоению мира, предъявлявшему повышенные требования к уровню материально-технического развития. Важную роль в превращении Европы в локомотив научно-технического прогресса сыграло христианство, отличительной чертой которого являлось стремление, уподобляясь Богу, постигать мироздание. Последовавшая эмансипация науки от религиозной морали сделала возможным не только постижение, но и создание нового мира, построенного на человеческом разуме, а не на божественной воле. Модерн (модернизация в этимологическом значении) стал типом развития европейской цивилизации, соответствующим западной традиции рационализма, а рынок и демократия — идеальным пространством для человеческого творчества и взаимодействия. В результате западная цивилизация превратилась в принципиально креативную и инновационную. Современная европейская цивилизация состоялась потому, что предложила миру новый, прогрессистско-экономический тип исторического бытия, сделала скорость существенным фактором развития и обрела, таким образом, свои конкурентные преимущества. В то время как до этого для всех традиционных цивилизаций существенным было прежде всего поддержание стабильности.

В отличие от нее китайская цивилизация, изолированная пустынями и горными массивами на суше, не испытывала серьезной конкуренции со стороны

других цивилизаций и была обречена, однажды конституировавшись, выступать бессменным региональным лидером развития. Изоляционизм сделал ее главным критерием духовное совершенствование, которое придало ей несравненную прочность, но в отличие от Европы не давало стимула для территориальной экспансии, обезоружив перед техническим превосходством Запада. Китайская цивилизация выработала свой тип развития, свойственный традиционному аграрному обществу — принципиальную эволюционность, философско-этически обоснованную, позволявшую избегать революций и поэтому неизбежно циклическую, достоинства которой, однако, померкли в динамичном мире.

Открыв новое пространство для роста, создав уникальную экономическую модель и распространив ее влияние на весь мир, Европа смогла на время лишить остальные цивилизации преимуществ. Техническое развитие Запада связало планету воедино, многократно увеличив скорость взаимодействия. Экономическая и политическая экспансия Европы положила начало глобализации, став ее непосредственной причиной.

Главным критерием развития мира стала материальная культура, определив на столетия основной дискурс исторического движения. Появление универсальных критериев прервало естественно-историческое движение отдельных стран и регионов и положило начало качественно новому этапу развития. Первоначально восстановление конкурентоспособности связывалось этими странами с простым заимствованием очевидных преимуществ в военной сфере и промышленности, затем

идея заимствования была распространена и на ключевые экономические и социально-политические институты западного мира. Вестернизация как доминирующая мировая тенденция первой половины XX в. получила обоснование в теории модернизации, исходящей из всеобщности и универсальности социальных законов.

Теория модернизации адаптировала европейский формационный подход для отсталых стран, аргументировав переход от традиционного общества к современному и последовательное формирование новой материальной культуры и социально-политической организации на основе уже известного опыта европейской истории. Ее несомненная популярность в XX в. была вызвана тем, что все существовавшие в мире цивилизации в действительности уже не являлись традиционными — они были модернизирующимися, то есть ищущими способ догнать и составить конкуренцию современному западному обществу, прежде всего в сфере материального производства. Из такого понимания и выросло представление о модернизации как об особом, «догоняющем» типе развития. Оно подкреплялось опытом развития Германии и некоторых других европейских государств в конце XIX — начале XX в., которые заимствовали передовую технику, технологии и необходимые для их быстрого развития принципы организации индустриального производства, а также некоторые социально-политические институты, чтобы догнать передовые страны. Их успех вселял надежду на возможность повторения этого пути повсеместно.

Однако практика показала необоснованность такой стратегии для

остального мира. Если индустриальные технологии и рынок как естественная среда функционирования современной экономики получили всеобщее распространение, то традиционные социально-политические институты и социокультурные традиции за пределами Европы в значительной степени были сохранены или получили самостоятельное продолжение.

Способность воспринимать и передавать знания и практические навыки — диффузия цивилизаций (У. Мак-Нил) — продолжала развиваться. В процессе освоения достижений Запада происходило заимствование не только экономических и политических институтов, но и инструментов преобразований — идей и концепций, которые вступали в сложные отношения с местной традицией. В результате модернизации экономики интеллектуальная элита Востока восприняла рациональный метод мышления и социально-исторического поведения — как либеральный, так и социалистический. При этом социалистическое учение, оппозиционное империализму и колониализму и поэтому предоставлявшее довольно широкое пространство для развития различного рода национальных идей, получило поддержку национально ориентированной интеллектуальной элиты. Марксизм представил теорию политического и исторического действия, понятную не только образованным классам авторитарного общества, но и основной массе населения, и смог стать инструментом политической борьбы, указав направление дальнейшего развития. Интерес к нему значительно вырос после образования Советского государства, продемонстрировавшего

на практике способность эффективно противостоять империалистическому диктату и самостоятельно развиваться. Наибольшее внимание опыт России привлек в Китае.

С середины XIX в. все развитие Китая протекало под определяющим влиянием материально-технического и технологического превосходства Запада. Оно неизбежно приняло форму модернизации, то есть внутренней трансформации с целью адаптации к внешнему воздействию, прежде всего приведения его социально-экономического уровня в соответствие с мировым. Китайский опыт преобразований в течение последних 150 лет тем более ценен, что огромная по масштабам централизованная империя не была покорена европейскими державами и была вынуждена самостоятельно искать ответы на западное вторжение, в отличие, например, от Индии, на протяжении нескольких поколений напрямую усваивавшей уроки Запада.

Главным заимствованием китайских интеллектуалов стала идея насильственной революции, нарушавшая традиционные представления о ходе исторического процесса. Стихийному (естественно-историческому) течению истории стала противостоять история, строящаяся в результате целенаправленных усилий, прилагаемых в соответствии с практическим опытом других стран или теоретическими представлениями. Но этим заимствования не ограничились.

Провозгласив после Октябрьской революции целью достижение уровня экономически развитых государств, российская социал-демократия изменила характер марксизма, превратив его из революционной идеологии со-

циальной справедливости в революционную идеологию государственного строительства. Политическая практика марксизма, таким образом, была воспринята в Китае, потому что претерпела глубокие изменения в России и уже была частично адаптирована для использования в восточных обществах. Дав Китаю характерные для западной цивилизации инструменты преобразований, большевизм сыграл решающую роль в переходе Китая от традиционных форм общественного устройства к современным. При этом и сам марксизм последовательно эволюционировал и как идеологическая концепция, и как общественно-политическая практика в направлении национальных традиций, сначала превратившись в большевизм в России, а затем в китаизированный марксизм в Китае.

В результате с самого начала в Китае марксизм стал восприниматься преимущественно как средство догоняющего развития, как государственная, а не классовая идеология, и тогда выяснилось, что основные инструменты марксизма для строительства более справедливого общества — план и диктатура применимы и для решения задач ускоренного социально-экономического роста в отсталых странах.

Целью модернизации, вне зависимости от ее типа — социалистической или либеральной, таким образом, можно считать достижение универсальных, социально-экономических показателей, гарантирующих самосохранение цивилизации. Однако процесс модернизации не ограничивается, как долгое время было принято считать, социально-экономическими преобразованиями и следующими из них изменениями

в социально-политической сфере. Экономический детерминизм, свойственный европейской цивилизации и зафиксированный в европейских социологических концепциях, прежде всего марксистских, не действует в других цивилизациях в полном объеме. Экономические преобразования явились необходимым этапом в приведении уровня развития в соответствие с мировым и ликвидации, таким образом, угрозы поглощения внешней средой. На следующем этапе главной задачей становится обретение нового качественного состояния — новой идентичности, неразрывно связанной с социокультурными традициями и способной гарантировать удержание этого статуса. При этом формирование социально-политических механизмов находится в непосредственной зависимости от социокультурных факторов, которые обладают исключительной способностью придавать стабильный характер общественному развитию в период масштабных перемен.

Таким образом, воспринятый другими цивилизациями рационалистический взгляд на развитие вдохновил их элиты на создание собственных общественных теорий, в которых модернизация наделялась другим смыслом, близким к изначальному, — она уже предполагала не приближение к современности по европейскому пути и воспроизводство западной модели, а самостоятельное созидание. Сотворение истории, раньше доступное только европейскому человеку и европейской цивилизации, теперь получало повсеместное распространение. В авангарде этого процесса, естественно, оказались наиболее динамичные и успешные страны бывшей периферии, в первую

очередь Китай, активно разрабатывающий собственные концепции общественного развития. Отстояв право на национальную специфику в рамках марксизма еще при Мао Цзэдуне, с началом реформ Китай энергично продолжил формирование собственной теории — «социализма с китайской спецификой», далеко уйдя от положений аутентичного марксизма (подробнее см.: *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд. М., 2008).

Эта интеллектуальная традиция продолжается и даже усиливается в современном Китае, общественная мысль которого последовательно идет к созданию собственных концепций социально-исторического развития, иногда подчеркнуто дистанцирующихся от западных социалистических идей. В соответствии с некоторыми из них «вторичная модернизация», или «неомодернизация», рассматривается как тип развития информационного общества, в равной степени применимый к развитым и развивающимся странам. «Теория вторичной модернизации — это общая теория модернизации и развития цивилизации» (Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. М., 2011. С. 40).

Современная модернизация, таким образом, это интеллектуальный проект, первоначально возникший в Европе, а затем появившийся и в других цивилизационных ареалах как альтернатива их естественно-историческому типу развития. Национальный интеллект, а не вызовы природной среды и даже не заимствованные идеи, становится главным двигателем истории. Столкновение цивилизаций в таком контексте

приобретает новый смысл — отныне это не борьба за территорию и ресурсы, а соперничество интеллектуальных проектов. Единицей модернизации в отличие от европейской истории является не национальное государство и культура, а цивилизация, которая ищет новую идентичность, альтернативную западной, и может в силу размера и веса гарантировать ее развитие. Как показывает практика, исходная мотивация интеграционных процессов в Азии и Латинской Америке, как, впрочем, и в Европе, лишь отчасти лежала в сфере экономики, приоритетность которой лишь точно отражала характер современности. Не менее важным мотивом интеграционных устремлений являлось ощущение исторической близости, цивилизационного родства и основанного на этом доверия.

Какой будет мировая история при модернизационном, а не естественно-историческом типе развития? Изменение мира в результате глобализации, признание жизнеспособности азиатских и других моделей, а также в не меньшей степени европейская ин-

теграция во второй половине XX в. показали, что на смену действующей модели истории приходит другая, признающая субъектность за несколькими мировыми центрами. Одним из следствий реконфигурации мирового экономического и политического пространства и появления новых исторических субъектов (цивилизационных интеграционных группировок) стало нарушение привычного порядка отношений, структуры и субординации мирополитических субъектов, что существенно поменяло представление о характере современного развития. Преодоление мирового кризиса тесно связано с преодолением кризиса идентичности этих субъектов, в том числе в мировом процессе. До глобализации цивилизации были формой развития культуры, с ее началом они стали еще и главными субъектами взаимодействия, которые должны выработать особые нормы поведения и этику отношений. На протяжении столетий цивилизации внутренне созревали, находя формы терпимости и сотрудничества, чтобы сейчас их продемонстрировать в отношениях друг с другом.